

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ОБЩЕИНДООЕРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Применение методов лингвистической географии для исследования отношений между древними индоевропейскими диалектами дало ценные результаты уже в первой половине XX в. Новые перспективы в этой области открываются благодаря изучению ранее неизвестных древних индоевропейских языков. За последние годы появился ряд монографий и статей, в которых исследуются связи между индоевропейскими языками, причем особое внимание уделяется диалектной лексике. На основании чисто лингвистических данных авторы этих работ стремятся не только установить диалектное членение общиндоевропейского языка, но и определить древнюю область распространения его диалектов. Наиболее характерной работой этого типа является опубликованная в 1954 г. книга В. Порцига¹. Разбор монографии Порцига в сопоставлении с другими новейшими работами, посвященными тем же проблемам, позволяет охарактеризовать современное состояние этой области индоевропейского языковедения.

В этой книге критически оцениваются и обобщаются результаты работ Мейе, Педерсена, Боффанте, Пизани и других ученых, занимавшихся проблемами индоевропейской лингвистической географии. Однако Порциг не только отбирает из приводившихся ранее сопоставлений те, которые ему представляются наиболее достоверными и доказательными; в его книге используется ряд новых фактов, позволяющих составить более полную картину «членения индоевропейской языковой области». Достоинством труда В. Порцига является привлечение материалов тех древних языков Италии и Балканского полуострова (венетского, мессапского, фракийского, фригийского), исследование которых продвинулось вперед за последние десятилетия; в книге использованы также некоторые данные клинописного хеттского и «тохарских» языков.

Задачи и методы работы определены во второй главе (стр. 53—64)², которая следует за главой, содержащей историю вопроса (стр. 17—52). Посредством изучения нововведений, общих для нескольких языков, Порциг стремится обнаружить следы древнего членения первоначальной области, где говорили на индоевропейских диалектах. Вместе с тем в книге рассматриваются и более поздние связи между индоевропейскими языками. Для разграничения разных хронологических слоев диалектной лексики Порциг использует данные фонетики и словообразования. Однако ссылки на фонетические критерии во многих местах монографии носят слишком общий характер. Вывод об архаичности того или иного слова часто делается Порцигом только на основании отражения в данном слове чередования гласных, но хронология развития чередований в отдельных диалектах при этом не анализируется.

В двух основных главах книги связи между индоевропейскими языками определяются главным образом на основании лексических данных, которым Порциг (в отличие от многих других лингвистов) придает очень большое значение. Этой центральной части книги предпосланы две меньшие по объему главы, в которых изучаются фонетические и морфологические явления, существенные для классификации индоевропейских диалектов. В третьей главе (стр. 65—82) дается истолкование некоторых вопросов сравнительно-исторической фонетики индоевропейских языков в свете лингвистической географии. Следует отметить использование данных венетского языка для объяснения развития индоевропейских звонких придыхательных в итальянских языках (стр. 73). В венетском и латинском языках эти звуки в середине слова отражаются в качестве звонких, что Порциг считает древним общеталлийским явлением, сохранившимся в окраинных областях. Но, учитывая наличие других черт, общих для венетского и латинского языков, эту фонетическую особенность можно объяснить как результат позднейшего развития, осуществившегося только в данных диалектах³. Для окончательного решения вопроса необходим фонологический анализ истории итальянских спирантов⁴, который в книге Порцига отсутствует.

¹ Walter Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets.— Heidelberg, Carl Winter—Universitätsverlag, 1954, 251 стр. («Indogerm. Bibliothek». Hrsg. von Hans Krahe. 3-e Reihe. Untersuchungen.)

² В скобках указываются страницы книги В. Порцига.

³ См. Е. Р. Нанн, The relationship of Venetic within Italic, «American Journal of Philology», vol. LXXV, 2, Baltimore, 1954, стр. 183—186.

⁴ Ср. первый опыт такого анализа, данный более 30 лет назад в статье Е. Д. Поливанова «Из теории фонетических конвергенций. Латинский пример конвергенции с полным уподоблением» («Сб. Туркест. Вост. Ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 107—108). См. также Е. Поливанов, Факторы фонетической эволюции языка, как трудового процесса, «Ученые записки [Ин-та языка и лит-ры РАНИОН]», т. III (Лингвистическая секция), М., 1928, стр. 30—32.

Применение фонологических методов было бы желательным и в других разделах третьей главы, в частности при исследовании проблемы заднеязычных согласных (стр. 72—76), соотношение которых с лабиовелярными осталось вне поля зрения Порцига. В этом разделе Порциг останавливается на одинаковых отступлениях от типа *satəm*, наблюдаемых в балтийских и славянских языках, с одной стороны, во фракийском, фригийском и албанском, с другой. Так, в качестве одного из примеров приводится латыш. *kuņa* «сука»¹ (ср. родственное *suns* «пес») и фракийское название «собаки», сохранившееся в первой части имени *Kαυ-δίων* (собственно «душителъ псов»; стр. 75). Следует заметить, что начальный заднеязычный смычный имелся не только во фракийском названии «собаки», приведенном Порцигом, но и в родственном фригийском слове², которое, по свидетельству Платона, почти не отличалось от греч. винительного падежа множественного числа *κύνες* «собак» (Платон, диалог «Кратил», 410). Указанное фракийское сложное имя Порциг справедливо отождествляет с лидийским *Kαυδύλης*, значение которого известно благодаря переводу, данному Гиппонактом³.

Подобные факты показывают, что развитие заднеязычных согласных в древних языках Балканского полуострова (во фракийском) может быть связано с аналогичными явлениями в языках Малой Азии (в том числе в лидийском и ликийском). К сожалению, Порциг не рассматривает этого вопроса. В его книге не использованы данные нероглического хеттского и ликийского языков, имеющие существенное значение для пересмотра прежних взглядов на языки *centum* и *satəm*⁴.

Материал нероглического хеттского языка следовало бы привлечь и на стр. 80, где речь идет о трудности непосредственного доказательства вторичного происхождения *n* (из **m*) в конце слова в клинописном хеттском языке: таким непосредственным доказательством является сравнение нероглического хеттского *takam* «земля» с клинописным хеттским *tegan* «земля».

Четвертая глава (стр. 83—92) посвящена диалектным различиям грамматического характера. Особенно интересен раздел о медиальных окончаниях на *-r* (стр. 83—86), где использована обширная новейшая литература вопроса, появившаяся после открытия фактов клинописного хеттского и «тохарских» языков. Но в некоторых других разделах, посвященных морфологии глагола и имени, автор некритически принимает традиционные взгляды на структуру общиндоевропейского языка. Так, говоря о формах дательного и творительного падежей множественного числа на *-bh-* и на *-m-*, Порциг не подвергает сомнению праязыковой характер этих форм (стр. 90—91). Между тем после работ Куриловича и Педерсена можно считать установленным то, что эти формы появились только в отдельных индоевропейских диалектах в относительно позднюю эпоху (ср. их отсутствие в клинописном хеттском языке)⁵. В этой связи необходимо отметить, что в труде Порцига не использована ни одна из исключительно ценных работ Куриловича, в которых изучается относительная хронология развития общиндоевропейского языка.

Самая большая глава книги (стр. 93—151) посвящена доказательству наличия тесных связей между италийскими, кельтскими, германскими и иллирийским языками, которые Порциг объединяет в одну «западную» группу. Эта глава монографии и по выводам, и по приводимым аргументам почти полностью совпадает с вышедшей в том же году книгой Х. Крае, в которой доказывается существование «древнеевропейской» группы языков⁶ (приблизительно соответствующей «западной» группе Порцига). В обеих книгах обосновывается также гипотеза о значительной близости германских и италийских языков в глубокой древности. К более позднему периоду (после переселения носителей италийских языков в Италию) Порциг и Крае относят особые связи между германским и кельтскими языками.

Оба исследователя стремятся прежде всего осветить эпоху, которая отделяет обще-

¹ В книге Порцига не отмечена возможная связь с этим словом словинского *kānā* «сука» (см. словарь К. Мюленбаха — Я. Эндзеллина: K. Müllenbachs, Latviešu valodas vārdnīca, II sējums, Rīga, 1925—1927, стр. 316).

² Ср. Th. Capidan, Coup d'oeil sur les occlusives gutturales de la langue thrace, «Langue et littérature», vol. II., № 1 et 2, Bucaresti, 1943, стр. 91.

³ Текст Гиппонакта и данные древних авторов, относящиеся к этому тексту, см. в «Anthologia lyrica graeca» (ed. E. Diehl, fasc. 3, Lipsiae, 1954, стр. 82).

⁴ См. P. Meriggi, La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei, «Athenaeum», Nuova serie, vol. 29, fasc. I—II, 1951, стр. 25—26 и примеч. 3 на стр. 48—49.

⁵ См.: J. Kurylowicz, Études indoeuropéennes, I, Kraków, 1935, стр. 165—168; H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938, стр. 30—32.

⁶ H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954. Х. Крае указывает в корректурном примечании на стр. 173, что работа В. Порцига не была им использована при написании этой книги.

индоевропейский язык от отдельных засвидетельствованных языков. Для преодоления этой «пропасти» Крае использует анализ географических названий¹, в особенности названий водных бассейнов, сохраняющих на протяжении многих веков свидетельства о древних языковых отношениях. Порциг, как и Крае, связывает свои гипотезы, относящиеся к дописьменной эпохе, с конкретными историческими данными, касающимися более позднего времени. Поэтому Порциг начинает свое изложение с описания лингвистической карты Центральной Европы в середине I тысячелетия до н. э. (стр. 92—97).

После этого путем анализа изоглосс Порциг приходит к выводу, что языки, которые были распространены в смежных областях в начале исторического периода, имели целый ряд общих черт. Этот вывод является неоспоримым. Достоинство книг Порцига и Крае заключается в том, что в этих работах систематизированы известные в настоящее время данные о связях германских, кельтских, италийских и иллирийского языков в дописьменный период их истории. Следует при этом отметить, что книга Порцига отличается более строгим подбором сопоставлений и тщательностью изучения отдельных фактов. В книге Крае, носящей популярный характер, перечисляется большее число изоглосс, но часто это объясняется тем, что Крае не обращает достаточного внимания на обоснованность того или иного соответствия².

В работах Крае и Порцига дается не только систематическое описание явлений, общих для указанных языков, но и во многом спорная интерпретация этих языковых связей. Оба исследователя считают, что данные изоглоссы отражают древнее диалектное членение. Согласно Порцигу, индоевропейская языковая область делилась на западную и восточную части уже в очень ранний период. Более осторожной является точка зрения Крае, считающего существование «древнеиндоевропейской» группы языков «только определенной доисторической ситуацией», до которой (или параллельно с которой) могли иметь место другие группировки диалектов³.

Представляется несомненным то, что приводимые Порцигом и Крае факты, относящиеся преимущественно к лексике и топонимике, не дают оснований для далеко идущих выводов о классификации диалектов общиндоевропейского языка. Как отмечает Крае, черты, общие для италийских, германских и кельтских языков, касаются почти исключительно лексики⁴; аналогичное признание имеется и в книге Порцига (стр. 123). Бесспорные фонетические доказательства архаичности соответствующих слов отсутствуют. Утверждение Порцига о том, что до германского передвижения согласных, исчезновения *r* и развития *ē > i* в кельтском существовал единый «западноиндоевропейский» язык Средней Европы (стр. 118), не подкрепляется анализом всей системы данных диалектов. Значительно более вероятной была бы гипотеза об отражении в приводимых Порцигом изоглоссах таких связей между диалектами, которые объясняются их территориальной близостью в относительно позднюю эпоху. Этим же объяснилось бы и совпадение предполагаемого Порцигом доисторического соотношения диалектов с географическим распределением языков в исторический период.

Считая очень древними изоглоссы, связывающие между собой «западные» («древнеиндоевропейские») языки, Порциг и Крае предполагают, что область распространения этих языков издавна была Центральной Европа. Не следует, однако, преувеличивать значения данных топонимии для решения этого вопроса. Аргументация Крае не может считаться бесспорной, так как типы названий, определяемых им как «древнеиндоевропейские», встречаются и в некоторых других областях⁵. Необходимо учитывать возможность параллельного использования родственных существительных в качестве собственных имен в разных диалектах. Поэтому остается недоказанным предположение Порцига о том, что гот. *fatrguni* «гора» и родственные слова других германских (и кельтских) языков восходят к древнему названию Судетских гор (стр. 120). Сравнение этого слова с клинописным хеттским *reḡina-* «скала»⁶ заставляет скорее предположить, что данная основа являлась древним названием «горы, скалы» и поэтому позднее могла употребляться в качестве названия гор в разных областях, где говорили на индоевропейских языках.

Недостаточная обоснованность гипотезы о древности «западноиндоевропейской»

¹ См. Н. К г а h e, указ. соч., стр. 37 и сл. См. также Вл. Г е о р г и е в, Значение на географские имена за выпросите на етногенезиса, «Български език», год. V, кн. 1, 1955.

² См., например, название «бука», причисляемое Крае к италийско-германским изоглоссам (Н. К г а h e, указ. соч., стр. 75), хотя до этого в его книге речь шла о возможности признания общиндоевропейского характера этого слова (там же, стр. 31—32). Ср. о названии «бука» ниже.

³ Н. К г а h e, указ. соч., стр. 69.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ Ср. по этому поводу замечание самого Крае (указ. соч., стр. 159).

⁶ Отсутствие заднегозачного после *r* в *reḡina-* при гот. *fatrguni* можно сравнить с фонетическим соотношением славянского *Перунъ* и родственного литовского *Perkūnas*.

группы обнаруживается при изучении связей между языками, относимыми Порцигом к этой группе, и балтийскими, славянскими, хеттским и «тохарскими» языками, которые Порциг причисляет к «восточным». Сложность определения места балтийских и славянских языков в данной классификации не ускользнула от внимания Порцига и Крае. Порциг отмечает особую близость германских языков к балтийским и славянским¹. Крае включает балтийские языки в «древнеевропейскую» группу (в этом состоит важнейшее отличие его теории от концепции Порцига); он признает и тесную связь славянских языков с языками данной группы. Согласно мнению Крае, являющегося крупнейшим специалистом в области иллирийского языка, связи этого языка с балтийскими (а частично и со славянскими) были более тесными, чем иллирийско-германские связи². Порциг высказывается по этому поводу более сдержанно ввиду того, что подавляющее большинство иллирийско-балтийско-славянских соответствий относится к собственным именам (стр. 148). В связи с этой проблемой Порциг, ссылаясь на мнение Г. Ипсена, выдвигает гипотезу о родстве венетск. *molzon* со ст.-слав. *младѣньць* и прусск. *maldenikis* «младенец» (стр. 148). Это предположение было еще раньше высказано О. Хаасом, подтвердившим его данными венетских текстов³. В пользу гипотезы Порцига о том, что данное венетское слово носит иллирийский характер, говорит не использованное Порцигом сопоставление с мессапск. *moldahias*, *moldahiah*⁴.

Несомненными являются связи языков, которые Порциг считает «западными», с клинописным хеттским и «тохарскими» языками. Порциг отмечает близость кельтских, итальянских, хеттских и «тохарских» медиопассивных форм (стр. 86), одинаковое образование относительного местоимения в «тохарских», хеттском и итальянских языках (стр. 135, 173, 191). К этим фактам можно присоединить ряд хетто-(«тохаро»)-италийских изоглоссов, не приведенных Порцигом: ср. отвлеченное имя существительное, образованное от глагола **i-* «идти» посредством суффикса **-ter* (лат. *iter* «путь», хет. *itar*, «тохарск. А» *yīār*); название «очага, алтаря», общее только для хеттского (хет. *hassa-*) и лувийского (*hassanitti-*) языков, с одной стороны, и для итальянских языков (оскск. *aasa-*, умбр. *asa*, ст.-лат. *āsa > āra*), с другой. Отмечаемое Порцигом совпадение форм личных местоимений в венетском, германских и хеттском языках (стр. 128 и 191) заставляет обратить особое внимание на хеттско-германские лексические связи⁵ (ср. хет. *gank-* «висеть», др.-в.-нем. *hangēn* и т. п.). Хетто-кельтские связи наблюдаются и в лексике, и в грамматике. Особенно важно сходство в использовании энклитических местоимений, по-новому освещающее историю кельтского глагола.

Таким образом, языки, причисляемые Порцигом к «западным», оказываются тесно связанными и с балтийскими, и с хеттским. Поэтому представляет значительный интерес географическое распространение термина **teutā*, для которого Порциг (стр. 200) и Крае⁶ предполагают первоначальное значение «община». Этот термин, который Крае считает чрезвычайно характерным для «древнеевропейских» языков⁷, представлен также во всех балтийских языках и в хеттском. Порциг рассматривает данное слово в разделе, где изучаются «западные нововведения в нескольких восточных языках», однако такую интерпретацию истории этого термина нельзя считать достаточно обоснованной.

«Восточным» языкам посвящена шестая глава книги (стр. 152—192). Некоторые языки, рассматриваемые в этой главе, представлены значительно более древними памятниками, чем языки, изучавшиеся в предыдущей главе. Поэтому применяемый Порцигом метод изучения доисторических связей на основании анализа языковых отношений исторической эпохи в этой главе позволяет ему исследовать более отдаленный период развития диалектов. Но Порциг дает неправильное хронологическое определение этого отдаленного периода, когда он утверждает, что еще в начале II тысячелетия до н. э. носители греческого, армянского и древнеиндийского языков находились в Северном Причерноморье (стр. 157 и 161). Эта датировка не учитывает резуль-

¹ См. об этом В. И. Георгиев, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 63—65.

² Н. Крае, указ. соч., стр. 114.

³ О. Хаас, Zur Deutung der venetischen Inschriften, «Die Sprache», Bd. II, Heft 4, Wien, 1952, стр. 233. Работа О. Хааса, оставшаяся неизвестной Порцигу, заставляет внести одно исправление в указанное место книги: *-ke* в форме *molzonke*, по-видимому, является не частью слова (как думает Порциг), а союзом, аналогичным латинскому *-que* (см. О. Хаас, указ. соч., стр. 228 и прим. 6).

⁴ О. Хаас, указ. соч., стр. 233.

⁵ Венетско-хеттские лексические связи не являются столь же достоверными; см., однако, мнение Педерсена и Лежена: Н. Педерсен, Venet. *ekupēdavis*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 581; М. Лежен, Hittite *hatrāmi*: vénète *atraest*, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 46, fasc. 1, 1950.

⁶ Н. Крае, указ. соч., стр. 67.

⁷ Там же, стр. 65—67 и 88.

татов расшифровки греческих текстов крито-микенского линейного письма В и древнейших данных о словах индийского происхождения в переднеазиатских текстах¹.

В свете этих данных дату, предлагаемую Порцигом, необходимо признать слишком поздней. Нельзя согласиться с Порцигом и тогда, когда он относит отделение носителей хеттского языка от носителей других индоевропейских диалектов к началу II тысячелетия до н. э. (стр. 86; ср., однако, более точную формулировку на стр. 213). В каппадокийских таблицах (на рубеже III и II тысячелетий до н. э.) встречается ряд собственных имен, доказывающих наличие носителей самостоятельных индоевропейских языков хетто-лувийской группы в Анатолии уже в этот период². Поэтому утверждение Порцига о приходе хеттов в Анатолию в XVIII в. до н. э. ошибочно (стр. 62). Следует отметить, что вся картина завоевания Анатолии хеттами, излагаемая в книге Порцига (стр. 62—63), недостоверна, так же как и его замечания о характере носителей индо-иранских языков, появившихся во II тысячелетии до н. э. в Передней Азии³. Основанная на этих недостоверных данных теория Порцига о способе распространения индоевропейских диалектов (стр. 64) не может быть убедительной. Между тем, опираясь только на эту теорию (а не на лингвистические факты), Порциг решительно отвергает существование таких периодов, как балтийско-славянский (стр. 64).

В шестой главе книги доказывается наличие тесных связей между индо-иранскими, балтийскими, славянскими, греческим, армянским, фракийским и фригийским языками; к этим языкам, объединяемым в «восточную» группу, Порциг присоединяет также хеттский, «тохарские» и албанский. Раздел, в котором перечисляются греческо-индо-иранские изоглоссы⁴ (стр. 157—161), можно было бы дополнить рядом грамматических явлений. В свете данных хеттского языка многие морфологические черты, общие для индо-иранских языков и греческого, оказываются нововведениями, характерными для этих диалектов, но не для общиндоевропейского языка. Отсутствие исследования таких фактов в книге Порцига объясняется тем, что Порциг не рассматривает традиционных концепций, касающихся грамматического строя общиндоевропейского языка (см. выше о четвертой главе его книги). Значительная близость лексики греческого и индо-иранских языков становится еще более очевидной в настоящее время благодаря изучению древнейших греческих текстов линейного письма В⁵. Одним из существенных вопросов, относящихся к сравнению лексики этих языков, является историческое объяснение др.-инд. *paraśú-* «топор»⁶, родственного греч. *πάλεχυς*⁷. Порциг справедливо указывает на то, что новейшие ассириологические исследования поставили под сомнение гипотезу о заимствовании этого слова из аккадского (стр. 160), однако на следующей странице приводит его в качестве свидетельства переднеазиатских влияний (стр. 161). Более решительно гипотезу об аккадском происхождении этого слова отвергает II. Тиме, ссылаясь на то, как и Порциг, на то, что аккад. *pilaqu* не является названием «топора»⁸. Вместе с тем Тиме указывает, что это слово, структура которого свидетельствует о его неиндоевропейском происхождении, было заимствовано в индоевропейские языки до изменения палатальных в языках

¹ См. о значении этих данных В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 46—47.

² См. А. Goetze, The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia, «Language», vol. 29, 1953, № 3; его же, The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names, «Journ. of cuneiform studies», vol. VIII, № 2, 1954.

³ См. освещение этой проблемы в рецензии F. M. Th. de Liagre Böhl на кн. R. G. O'Callaghan «Aram Naharaim», помещенной в «Bibliotheca orientalis» (1950, № 1).

⁴ Ср. В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 66.

⁵ Ср., например, совпадение результатов исследования производных от одного и того же корня в текстах линейного письма В (L. R. Palmer, A Mycenaean Calendar of offerings, «Eranos», vol. LIII, fasc. 1—2, 1955, стр. 4 и сл.) и в ведийском (T. Burrow, Vedic is- «to prosper», «Bull. of the School of oriental and african studies University of London», vol. XVII, part. 2, 1955). Следует также отметить, что данное в работе Палмера (L. R. Palmer, указ. соч., стр. 4) истолкование линейного В *a-ke* («**ayē*») подтверждает семантическую близость греческого и индийского производных от **yag-* (др.-инд. *yajati* «он приносит жертву»), которую ставил под сомнение Мейе (А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 383 и 186).

⁶ О соответствиях в иранских языках (которые Порцигом не указаны) см. В. И. Абаев, Древнеперсидские элементы в осетинском языке, сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 8—9.

⁷ Относительно связи с этим словом «линейного В» *percheue* см. P. Meriggi, I testi micenei in trascrizione, «Athenaeum», Nuova serie, vol. 33, fasc. I—II, 1955, стр. 89. Ср. В. Георгиев, Словарь крито-микенских надписей, София, 1955, стр. 56.

⁸ P. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinschaft, «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse [Acad. der Wissenschaften und der Literatur in Mainz]», Jg. 1953, № 11, Wiesbaden, 1954, стр. 586—587 (= стр. 52—53 особой pagination).

salām (этот вывод совпадает с мнением Порцига; стр. 161). Поэтому представляет интерес выдвинутая недавно гипотеза о связи данного слова с названиями «молота» в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках¹.

В разделе, посвященном армяно-индо-иранским связям, Порциг выдвигает гипотезу о том, что ряд слов был заимствован в глубокой древности армянским языком из индо-иранских языков (стр. 161—162). Аналогичная гипотеза по отношению к тем же словам ранее была высказана проф. Г. А. Кананцианом², работы которого не были учтены Порцигом. Значительный интерес представляют наблюдения Порцига о специфическом (ритуальном) использовании соответствующих слов в древнеиндийском. Для определения места взаимодействия данных языков особый интерес представляет сопоставление др.-инд. *simha* «лев» и арм. *inj* «барс»³, которое Г. А. Кананциан и Порциг относят к этой же группе слов. К сожалению, Порциг не останавливается подробнее на анализе этого слова, ограничиваясь замечанием о том, что виду характера обозначаемого им понятия оно не может быть признано общендоевропейским (стр. 162).

Раздел об албанском языке (стр. 174—181) касается преимущественно лексических вопросов в отличие от недавней работы Пизани⁴, посвященной проблемам фонетики и грамматики. Поэтому нужно обратить внимание на то, что выводы Порцига и Пизани о хронологической последовательности связей албанского языка с греческим и балтийско-славянскими являются прямо противоположными.

В разделе, посвященном определению места «тохарских» языков среди других индоевропейских (стр. 182—187), Порциг высказывает гипотезу об особой близости «тохарских» языков к балтийским, славянским и германским. Как для доказательства этого тезиса, так и для обоснования гипотезы о том, что носители «тохарских» языков первоначально обитали в области близ Балтийского моря (стр. 184, 214, 216), использует «тохарское» название «рыбы», соответствующее названию «лососа» в балтийских, славянских и германских языках⁵. В настоящее время многие ученые используют это соответствие не только для определения области распространения отдельных индоевропейских диалектов, но и для установления «прародины общендоевропейского языка». Однако этот аргумент нельзя считать бесспорным.

Для решения этого вопроса необходимо определить, древнее значение основы **laḥs-*. Порциг считает, что значение «рыба» и «тохарское» не было первоначальным, потому что в германских, славянских и балтийских языках имелись другие древние названия «рыбы» (стр. 184). Однако из этого еще не следует, что **laḥs-* во всех диалектах должно было относиться к тому виду лососевых (*salmo salar*), который встречается только в севернороссийских водах. В пользу того, что это слово могло относиться и к другим видам лососевых, говорит осетинское (дигорское) *laḥs* «лосось», которое многие исследователи возводят к индоевропейскому **laḥs-go-*⁶. Как Порциг, так и Тиме, специально исследовавший эту проблему, не учитывают того, что вид *salmo trutta caspius*, близкий к *salmo salar*, водится в бассейне Каспийского моря; следовательно, именно к этому виду можно относиться «тохарское» слово в эпоху, когда носители «тохарских» языков еще не пришли в Сибирь с запада.

¹ См. N. Poppe, Ein altes Kulturwort in den altaischen Sprachen, «Studia orientalia», vol. XIX, 5, Helsinki, 1933 [1934], стр. 25. В этой статье не дано всестороннее освещение вопроса о возможной связи данных слов в индоевропейских и алтайских языках, так как не учтены новейшие работы об алтайском *ṛilaqqi* и более ранние труды Нерига и других лингвистов о древних лексических связях индоевропейских языков с языками других языковых семей Азии: A. N. Chretien, Studien zur Indogermanischen Kultur und Urheimat, сб. «Die Indogermanen und Germanenfragen», Salzburg — Leipzig, 1936.

² Г. Кананциан, Происхождение армянского языка, Ереван, 1946, стр. 35; его же, Хайаса — колыбель армян, Ереван, 1947, стр. 136 — 137.

³ Возражения, приводимые Тиме (P. Thieme, указ. соч., стр. 588—590 = 54—56) против этой этимологии, не состоятельны. Тиме считает данное армяно-индийское соответствие единичным и поэтому маловероятным, не учитывая других лексических связей между этими языками, отмеченных Г. А. Кананцианом и Порцигом.

⁴ V. Pisani, L'albanais et les autres langues indoeuropéennes, «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. X, Bruxelles, 1950.

⁵ См. об этом соответствии В. И. Георгиев, Проблема..., стр. 65.

⁶ Относительно этой этимологии и объяснения осетинского *l* в этом слове см. P. Thieme, указ. соч., стр. 557 (= стр. 23 обской нумерации). Соответствия, предполагаемые Тиме в древнеиндийском (см. там же, стр. 550—558 = стр. 18—24; ср. P. Thieme, Der Lachs in Indien, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 69, 1951), представляются маловероятными; см. убедительную критику взглядов Тиме в статье М. Майрхофера [M. Mayrhofer, Altindisch *laḥsā*, Die Methoden einer Etymologie, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 105 (N. F., Bd. 30), Heft 1, Wiesbaden, 1955]. Ср. там же (стр. 181 и примеч. 3 на стр. 182) о вероятности архетипа **laḥs-* (а не **laḥs-*) для названия «лососа».

Для определения древней области распространения «тохарских» языков существенное значение имеют лексические связи этих языков с угро-финскими. Впервые на это обратил внимание Бенвенист, обнаруживший связь «тохар. А» *wās* «золото» с фин. *vaski* «медь» и арм. *oski* «золото»¹. Независимо от Бенвениста связь «тохарского» названия «золота» с угро-финским названием металла (удмурт. *-весь* и т. п.) установил В. И. Лыткин². Некоторые другие угро-финско-«тохарские» лексические связи были указаны Х. Педерсеном³. Эти древние заимствования из «тохарского» в угро-финские языки могут быть объяснены только при предположении о соседстве первоначальной области распространения «тохарского» языка с областями, где говорили на угро-финских языках в ранний период их развития⁴. Этот вывод противоречит гипотезе, выдвинутой Порцигом на основании его теории относительно названия «лососа».

В разделе о месте «тохарского» языка среди других индоевропейских больше внимания следовало бы уделить хеттско-«тохарским» связям. Помимо отмеченных выше хеттско-«тохарско»-италийских связей, в настоящее время можно указать на целый ряд явлений, характерных только для хеттского и «тохарских» языков; ср., например, соответствие хет. *neku* «вечер» и «тохар. Б» *nekciye* «вечером»⁵ (при значении «ночь» у родственных слов в других языках, где в большинстве случаев отражена другая огласовка корня), общие явления в системе глагола и другие факты. 20 лет назад, говоря о возможной принадлежности хеттского и «тохарского» к одной группе диалектов, Бенвенист указывал на то, что окончательному решению этого вопроса препятствует отсутствие точных сведений о языках Малой Азии, близко родственных хеттскому⁶. Результаты исследования этих языков за последние годы показывают, что слова, общие для клинописного хеттского и «тохарского», имеются и в других древних индоевропейских языках Малой Азии; ср. хет. клин. *aku-* «пить», палайск. *ahi-*, «тохар. А» *yok-* «пить»; хет. клин. *iia* «делать», лувийск. *iia-*, *aia* «делать», хет. иерогл. *aia-* «делать», «тохар. А» *ya-*, «тохар. Б» *ya-m* «делать» и т. п. Тип образования отглагольного прилагательного на *-lo-*, которое Порциг (стр. 186) считает общим только для «тохарских», славянских и армянского языков, обнаруживается также в клинописном хеттском⁷, лувийском⁸ и лидийском⁹ языках, т. е. характерен для большинства древних индоевропейских языков Малой Азии. Отрицание Порцигом связей между хеттским и «тохарскими» языками в некоторых случаях приводит к неточному освещению истории отдельных «тохарских» слов: на стр. 187 дается неверная этимология «тохар. А» *tsar* «рука», так как не учтена связь этого слова с хет. клин. *kešsar* «рука». Вообще данные хеттского языка во многих местах книги привлечены в недостаточной степени, между тем часто без них оказывается невозможным восстановить древнейший облик слов и морфем, анализируемых Порцигом. Например, на стр. 179 при анализе общиндоевропейского названия «сна» утверждается, что в хеттском языке не представлен глагол **suep-* «спать»; в действительности же в хеттских текстах обнаружен глагол *šur-*, а также глагол *šurpariia-*, благодаря которому в настоящее время по-новому освещается история общиндоевропейских слов этого корня¹⁰. Порциг сам отмечает скудность использованных им хетт-

¹ E. Benveniste, *Tokharien et Indo-Européen*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 238—239.

² См. В. И. Лыткин, О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 4, стр. 392. О данной группе слов угро-финских языков см. также В. И. Лыткин, Из истории словарного состава пермских языков, ВЯ, 1953, № 5, стр. 66.

³ H. Pedersen, *Eine Tocharische Frage*, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Heft 1, Heidelberg, 1950, стр. 104.

⁴ Об определении древнейшей области распространения угро-финских языков см. статью В. И. Лыткина «Из истории словарного состава пермских языков». Ср. также I. H. Toivonen, *Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat*, «Journal de la Société finno-ougrienne», vol. 56, Helsinki, 1952, стр. 1—41.

⁵ W. Couvreur, *B-Tocharische Etymologien*, «Archiv Orientalní», vol. XVIII, № 1—2, 1950, стр. 127.

⁶ E. Benveniste, указ. соч., стр. 237.

⁷ H. Pedersen, *Hittite *dalagnula* and *barganula**, «Journal of cuneiform studies», vol. I, № 1, 1947, стр. 61—64.

⁸ См. лувийскую форму *aiinala-* (от глагола *aiia-* «видеть») в тексте, приводимом в книге: H. Otten, *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen*, Berlin, 1953, примеч. 92 на стр. 79.

⁹ P. Meriggi, *Der indogermanische Charakter des Lydischen*, «Germanen und Indogermanen», Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 284. О причастиях на *-i* в лидийском ср. L. Zgusta, *Lydian Interpretations*, «Archiv Orientalní», vol. XXIII, № 4, 1955, стр. 523—524.

¹⁰ См. M. Mayrhofer, *Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende*, «Studien zur indogermanischen Grundsprache», Wien, 1952, стр. 43.

ских материалов, указывая, что его выводы в отношении хеттского языка не являются окончательными (стр. 187, 217). Существенным пробелом является также полное отсутствие ссылок на данные других древних индоевропейских языков Малой Азии и на факты «догреческого» языка.

В седьмой главе книги (стр. 193—212) изучаются связи между двумя группами, существование которых предположено в предшествующих главах. Включение в книгу этой главы свидетельствует о том, что ее автор тщательно изучил и те факты, которые с трудом укладываются в предложенную им схему. При изучении связей между разными диалектными группами в этой главе неоднократно обсуждаются проблемы иллирийского языка. Порциг справедливо подвергает критике взгляды Покорного, который без достаточных оснований считает иллирийскими многие географические названия, встречающиеся в разных областях Европы¹ (стр. 205—206 и 51—52). Сам Порциг в большинстве случаев с достаточной осторожностью использует иллирийскую ономастику и связанные с ней теории. Однако остается непонятным, почему некоторые отступления от типа *satem* Порциг склонен объяснять распространением заимствованного иллирийского слова в нескольких восточных диалектах (стр. 175 и 216). Вместе с тем необходимо отметить спорность категорического утверждения Порцига о том, что в иллирийском языке отсутствовал суффикс *-isko-*, имеющийся во фракийском, славянских, балтийских, германских и кельтских языках (стр. 201—202). В одной из статей Бонфанте были приведены данные, говорящие в пользу того, что некоторые имена на *-isc-* были не фракийскими, а иллирийскими².

В восьмой главе (стр. 213—217) излагается гипотеза о первоначальной территории распространения индоевропейских диалектов, основанная на выводах, которые сделаны в предшествующих главах. По мнению Порцига, в Европе на крайнем западе индоевропейской языковой области находились кельтские и италийские диалекты. Германский и иллирийский граничили с диалектами «восточной» группы, причем германский был отделен от других «западных» языков лесистым нагорьем, называвшимся именем, от которого происходит гот. *fairguni* и другие родственные слова (см. выше об этом названии). «Восточные» диалекты до их распространения на юг и юго-восток находились в пространстве между Балтийским и Черным морями. Близ Балтийского моря обитали носители балтийского, славянского и «тохарского» языков, объединяемых Порцигом в северо-западную подгруппу восточной группы. К этой подгруппе примыкает албанский язык. Южнее расположены армянский, фракийский и фригийский языки, а также примыкающие к ним с востока греческий язык и индо-иранские языки, находившиеся на крайнем востоке индоевропейской языковой области.

Правильными представляются отдельные наблюдения Порцига, в частности, вывод о тесной связи индо-иранского с рядом других индоевропейских диалектов в доисторическую эпоху. Противоположная точка зрения, относившая отделение индо-иранских диалектов от всех других индоевропейских к очень отдаленному периоду, основывалась прежде всего на предположении о том, что в индо-иранском отсутствуют представляемые в остальных языках термины, связанные с земледелием. Однако в настоящее время обнаружены следы некоторых из этих терминов в индо-иранских языках³ (ср. отражение общиндоевропейского названия «соли» в вед. *sal-ilā-* «море», общиндоевропейское название «поросенок», отраженное в сакс. *þūsa* «свинья» и т. д.). На основании этих новых данных делается вывод о том, что отделение носителей индо-иранских языков от носителей других диалектов не предшествовало периоду начала земледелия и свиноводства, а следовало за ним⁴. Этот вывод можно согласовать с результатами исследования диалектных связей индо-иранских языков, наложенными в книге Порцига.

Однако в целом картина распространения индоевропейских диалектов, обрисованная в последней главе книги Порцига, вызывает ряд возражений. Представляется в высшей степени сомнительным возведение к одной и той же эпохе тех диалектных

¹ Ср. аналогичную критику злоупотребления термином «иллирийский», которая дается в последних трудах Крае (H. Krahe, указ. соч., стр. 99) и Г. Чайльда (V. G. Child, Prehistoric Migrations in Europe, Oslo, 1950, стр. 219).

² G. Bonfante, Il problema dei Taurisci e dei Carni e l'entrata dei Galli in Italia, «Revue des études indoeuropéennes», t. II, fasc. 1, Boucourest, 1939, стр. 17—18.

³ См. об этом Р. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, стр. 558—562 (= стр. 24—28).

⁴ См. об этом E. Benveniste, Noms d'animaux en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 45, 1949, fasc. 1, стр. 89. Для изучения данного вопроса существенный интерес представляет хеттское название сорта ячменя *епа-* (об этом слове и его происхождении см. J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Lief. 4, Heidelberg, 1954, стр. 339). Это слово сопоставляется с названием злака **ieko-*, которое Порциг (стр. 169) считает обозначением «ячменя», общим для индо-иранских и балтийских языков (родственное греческое слово рассматривается Порцигом на стр. 169 и 171; ирл. *eoigna* «ячмень» им не привлечено).

отношений, которые Порциг устанавливает в «западной» и «восточной» группах. Отнесение этих явлений к одной хронологической плоскости в книге Порцига оказывается возможным потому, что связи между «западными» языками он считает очень древними, тогда как период существования связей между «восточными» языками ошибочно определяется слишком поздней датой (см. об этом выше). Для окончательного решения данного вопроса необходимо было бы сопоставление относительной (и, насколько это возможно, абсолютной) хронологии развития системы каждого из диалектов и изучение связей между ними с этой точки зрения.

Не только время, но и место предполагаемых Порцигом диалектных связей подлежит еще дальнейшему уточнению. Определяя древнюю область распространения индоевропейских диалектов, Порциг намеренно отказывается от привлечения данных археологии (стр. 61). Такая установка характерна и для ряда других новейших исследований¹. Это можно объяснить прежде всего неудачей предпринимавшихся в последние десятилетия попыток установить индоевропейскую «прародину» посредством согласования результатов лингвистических и археологических исследований². Но гипотезы, предложенные на основании одних лишь лингвистических данных, не являются доказательными.

Изучение языковых отношений и анализ топонимики позволяют Порцигу и Крае определить область распространения некоторых диалектов в дописанный период их истории, но нет никаких оснований относить эти факты к общиндоевропейской эпохе. Для проблемы «прародины» существенное значение имеет использование сведений о географическом распространении растений и животных, но при применении этого метода необходим трезвый анализ всех лингвистических и географических данных (см. выше о названии «лососа»). В настоящее время многие ученые используют для определения индоевропейской «прародины» так называемый «аргумент бука»³. Однако слово, на котором основана эта гипотеза, встречается лишь в некоторых индоевропейских языках, причем в части языков оно обозначает не бук, а другие породы деревьев. Древность значения «бук» для всех диалектов еще окончательно не доказана. Поэтому можно считать несомненным только то, что в пределах области, где рос бук, обитали носители диалектов, в которых данное слово имело значение «бук»⁴. Такими диалектами являются германские и латинский. Следовательно, при определении древней области распространения германских и итальянских диалектов необходимо учитывать соответствующие данные геоботаники и палеоботаники. Современные методы анализа сохранившейся в почве пыльцы растений позволили доказать, что граница бука в Европе постепенно перемещалась с юга на север, причем в III тысячелетии до н. э. бук еще не был характерен для флоры Северной Германии⁵. Следовательно, древнейшая область распространения диалектов, в которых имелось название «бука», во всяком случае не находилась в Северной Германии (это не было принято во внимание ни Порцигом, ни Крае).

Таким образом, аргумент бука, который, по остроумному определению Э. Майрхоффера-Пассера, использовался для доказательства того, что индоевропейская «прародина» находилась примерно «в границах государства Фридриха II»⁶, в действительности не подтверждает этот тезис. Для обоснования того, что Германия была «прародиной» индоевропейского языка, чаще всего исследуются названия таких растений и животных, которые (насколько позволяют судить лингвистические и археологические данные) не имели сколько-нибудь существенного значения для носителей индоевропейских диалектов⁷. На значительно более твердой почве стоят исследователи, учиты-

¹ См.: Н. Грахе, указ. соч., стр. 3; P. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, стр. 53 (= стр. 9).

² См. обзор работы о «прародине» индоевропейцев за 1936—1950 гг. в очерке В. Пизани, в кн.: V. Pisanì, Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft—J. Pokorny, Keltologie (Wissenschaftliche Forschungsberichte. Geisteswissenschaftliche Reihe), Bern, 1953, стр. 76—81).

³ См.: W. Wissmann, Der Name der Buche, Berlin, 1952; W. Krogmann, Das Buchenargument, «Zeitschrift für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. 72, 1954, Heft 1—2 и Bd. 73, 1955, Heft 1—2. См. также критику «аргумента бука» в статье: E. Pañler, Die Buchenfrage, об. «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», Wien, 1948, стр. 155—161. Ср. выше об освещении этого вопроса в книге Крае.

⁴ Ср. решение вопроса, предлагаемое В. И. Георгиевым в статье «Проблема возникновения индоевропейских языков», стр. 50.

⁵ См. W. Wissmann, указ. соч., стр. 16. См. также карты, приложенные к указанной выше статье В. Крогмана, и таблицу, показывающую развитие флоры Дании, в кн. Дж. Г. Д. Кларка «Доисторическая Европа. Экономический очерк» (М., 1953, стр. 25).

⁶ См. E. Pañler, указ. соч., стр. 161.

⁷ Это характерно, в частности, для указанных выше работ П. Тиме, где исследуют

вающие при изучении проблемы «прародины» ту роль, которую играло коневодство и использование колесных повозок в жизни древних племен, говоривших на индоевропейских языках. Исследование этого вопроса может опираться и на лингвистические факты, и на недавно установленные исторические данные о носителях индоевропейских языков, известных во II тысячелетии до н. э.; ср. свидетельства древнейших хеттских текстов, индо-иранские коневодческие термины в книге о коневодстве хуррита Киккули¹, данные греческих памятников линейного письма В² и др. Поэтому необходимо обратить особое внимание на то, что именно изучение этой стороны проблемы «прародины» привело многих современных археологов и лингвистов к предположению о (юго-)восточноевропейском или азиатском очаге распространения индоевропейских диалектов³. Эта точка зрения, подтверждаемая и другими аргументами⁴, противоречит принятому в работе Порцига (и в книге Крае) предположению о том, что движение носителей индоевропейских диалектов в Европе осуществлялось в направлении с севера на юг; противоположное предположение о движении с юго-востока на северо-запад хорошо согласуется с лингвистическими, историческими и археологическими фактами⁵.

Для проверки гипотезы о восточной «прародине» общиндоевропейского языка необходим тщательный анализ лингвистических и археологических фактов, на которых она основана. Книга Порцига окажется полезной и в этом отношении, поскольку в ней дается анализ лексики индоевропейских диалектов с точки зрения географии слов. В свете работ Чайлда, в которых история носителей индоевропейских диалектов связывается с вопросом о распространении колесных повозок⁶, значительный интерес представляют наблюдения Порцига над названием «повозки» в разных группах диалектов (стр. 102, 120, 158, 170), в особенности замечания об индоевропейском **q̥wekwlos* «колесо», к которому восходит тохарское А *kukäl*, «тохарское Б» *kokale* «повозка» и фригийское название Большой Медведицы *oxl̥t̥u* (собственно «повозка», стр. 183). Но Порцигу следовало бы сопоставить эту особенность «тохарских» и фригийского языков с аналогичными фактами, обнаруживающимися при исследовании названий «колеса» и «повозки» в других индоевропейских языках: ср. лат. *rota* «колесо, колесница, повозка», лит. *rātas* (латыш. *rāts*) «колесо», мн. число *rātai* (латыш. *rati*) «повозка», *Grigo Ratai* «Большая Медведица» (латыш. *greizie rati*), др.-инд. *rāthah* «повозка, колесница», ср. также ст.-слав. *коло* «колесо», мн. число *кола* «повозка» (образовано от того же корня, что и **q̥wekwlos*). Наблюдения Порцига относительно вторичного характера типичного для «восточной» группы диалектов слова **nebh-os-nebo* (стр. 189—190) особенно интересны в связи с попыткой В. Бранденштейна объяснить развитие значений «облако > небо» переселением носителей индоевропейских языков из областей с континентальным климатом в страны с более умеренным климатом⁷.

Внимание, которое Порциг уделяет проблемам изучения словаря, делает проводимое им исследование диалектных связей несколько односторонним. Но благодаря этой же особенности книги Порцига ее следует признать не только трудом по индоевропейской лингвистической географии, но и ценным исследованием в области

си названия «досюез», «осинны» и т. д. Некоторые археологические данные, свидетельствующие о большом хозяйственном значении ловли лососей в доисторический период, приводит Кунстаа Villkuna (см. «Laxfisket som helhetsproblem i Norden», в сб. «Scandinavien och fennougrica. Studier tillägnade Björn Collinder, den 22 Juli — 1954», Stockholm, [1954], стр. 245). Но эти данные относятся к северной части Балтийского моря и поэтому не могут быть использованы для решения проблем индоевропейистики.

¹ См. A. Kammenhuber, Zu den hethitischen Pferdertexten, «Forschungen und Fortschritte», Jg. 28, 1954, Heft 4.

² Ср., например, ценное исследование Лежена: M. Lejeune, Essais de philologie mycénienne, II — Les inventaires de roues, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», t. XXIX, fasc. 2, 1955.

³ Особенно отчетливо эта точка зрения изложена в упоминавшейся выше блестящей книге Чайлда (V. G. Child, указ. соч., стр. 146—151, 210—211, 219). См. также J. Filip, Indoeurotská otázka a lid se šáňrovou keramikou, «Archeologické rozhledy», ročník IV, seš. 1, 1952, стр. 53—55.

⁴ См. A. Nehring, указ. соч. (ср. выше о происхождении др.-инд. *paraśu*).
⁵ См. V. G. Child, указ. соч. и E. Benveniste, Les indo-européens et le peuplement de l'Europe, «Revue de synthèse», t. XVII, № 1, Paris, 1939.

⁶ См. V. G. Child, указ. соч. Археологические данные, относящиеся к этой проблеме, собраны в последней статье Чайлда: V. G. Child, The diffusion of wheeled vehicles, «Ethnographisch-archäologische Forschungen», 2, Berlin, 1954. Ср. также R. Hauschild, Das Selbstlob (Ātmastuti) des somaberauschten Gottes Agni, «Asiatica», Leipzig, 1954.

⁷ W. Brandenstein, Bemerkungen zum Sinnbezirk des Klimas, «Studien ur indogerm. Grundsprachen», Wien, 1952, стр. 24—25.

сравнительно-исторической лексикологии. Для изучения культуры носителей индоевропейских диалектов в дописьменный период большое значение имеют отдельные тонкие наблюдения Порцига, связанные с анализом лексических явлений. Некоторые предлагаемые Порцигом объяснения семантических соответствий являются спорными, но это отчасти вызвано слабой разработанностью методов сравнительно-исторической семасиологии¹.

Отмеченные выше пробелы в исследовании Порцига объясняются тем, что в его труде недостаточно учитываются некоторые недавно обнаруженные факты древних индоевропейских языков Малой Азии. Детальный анализ ранее не исследованных данных этих языков не входил в задачи книги, целью которой является систематизация наиболее достоверных сведений об индоевропейских диалектах (стр. 9). Повидимому, по той же причине в книге не нашли применения те новые методы исследования развития системы общиндоевропейского языка и установления относительной хронологии его развития, которые в настоящее время разрабатываются отдельными учеными, но не получили еще всеобщего признания. Дальнейшие исследования, основанные на использовании этих новых фактов и новых методов, могут воссоздать картину истории индоевропейских диалектов в период более древний, чем тот, который изучается Порцигом. Но книга Порцига является необходимым отправным пунктом для всех исследований в этой области, так как в ней излагаются тщательно проверенные данные об отношениях между индоевропейскими языками в период, предшествовавший их письменной истории. Поэтому рецензируемая книга принесет пользу не только специалистам в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, но и исследователям истории отдельных индоевропейских языков и истории говорящих на них народов.

Вяч. Вс. Иванов

Adolfu Kellnerovi. Sborník jazykovědných studií.—Opava, Slezský studiijní ústav, 1954. 194 стр.

Рецензируемый сборник статей посвящен памяти профессора философского факультета Брненского университета Адольфа Келнера, скончавшегося в расцвете творческих сил 31 мая 1953 г. А. Келнер, как указывается в посвящении к сборнику, был ученым, «который имел наибольшие заслуги в изучении языковых отношений в Остравской области и прокладывал своими трудами пути современной чешской диалектологии». Его деятельность имела большое значение для развития брненского диалектологического центра и в особенности в деле изучения ляхского (силезского) диалекта чешского языка. После окончания в 1927 г. университета в Брно, в котором А. Келнер проходил подготовку под руководством О. Гуйера, Ф. Травничка и В. Вондрака, он приступил к работе в области диалектологии. Большое влияние на научную деятельность А. Келнера оказал и акад. Б. Гавранек. По совету своих учителей А. Келнер продолжал занятия в Кракове у известного польского языковеда акад. К. Нитша, где знакомится со взглядами польских ученых на генезис ляхского диалекта.

По возвращении из Польши А. Келнер некоторое время изучает словацкие говоры Спиша и Шарыша², а затем готовит свою диссертацию «Štramberké nářečí» (1939). Эта была первая работа в ряду начатых тогда исследований моравских и

¹ Показательно, например, то, что на основании одного и того же факта (связь названия «дерева, дуба» **derec*— со словами, имеющими значение «твердый, крепкий», ср. русск. *дерево, дрова и дубовый*) Порциг (стр. 146) и Бенвенист [E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Words», vol. 10, № 2—3 («Linguistics Today»), 1954, стр. 258—259] строят совершенно различные гипотезы. Порциг считает более древним значение «дуб», из которого выводятся вторичные значения «дерево» и «твердый» (ср. близкую точку зрения, высказанную ранее Остгофом), тогда как Бенвенист считает первоначальным значение «прочный», которым объясняется значение «дерево» (= прочное, крепкое). Значение «дуб», по гипотезе Бенвениста, явилось результатом позднейшего развития (что Бенвенист доказывает фактами греческого языка).

² См.: «Přspěvek k bližšímu poznání nářečí lučivňanského» («Bratislava», ročn. VI, 1932); «Přspěvek k jazykové charakteristice Plavnice» («Sborník Matice slovenskej», ročn. XIII, č. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1935); «Nářečí severozápadního Šariše» (там же, ročn. XVI—XVII, č. 1—2, 1938—1939).